

УДК 930.85

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Ковалев Виталий Владимирович

доктор социологических наук, профессор,
кафедра теоретической социологии и методологии региональных
исследований,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор,
кафедра управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
[samygin78 @yandex.ru](mailto:samygin78@yandex.ru)

Valery V. Kasyanov

doctor of sociological Sciences, doctor of historical Sciences,
Professor, head of the Department of Russian history,
Kuban state University,
culture@kubsu.ru

Vitaliy V. Kovalev

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Department of Human Resource Management and Sociology,
Rostov State Economic University (RINE),
Rostov-on-Don, Russia
[samygin78 @yandex.ru](mailto:samygin78@yandex.ru)

**ЭТИЧЕСКАЯ И ИНТЕГРАЦИОННАЯ ФУНКЦИИ
КАК КРИТЕРИЙ ВЫДЕЛЕНИЯ ДВУХ ФОРМ СОБОРНОСТИ:
ИДЕАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ**

ETHICAL AND INTEGRATION FUNCTIONS AS CRITERION OF ALLOCATION OF TWO FORMS OF CONCILIARITY: IDEAL AND RELIGIOUS AND HISTORICAL

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать понятие «соборность», основываясь на такой оценке данного термина, согласно которой соборность не имеет единообразного понимания, а содержит в своих терминологических границах противоположные и несовместимые признаки. Авторы объясняют это тем, что соборность длительное время не была предметом анализа в классической науке, т.к. по преимуществу изучалась публицистами, литераторами, политическими и общественными деятелями. В результате понятие приобрело псевдонаучный характер и теперь используется не столько в научных диспутах, сколько в политических спорах о судьбах и желательных путях развития России в контексте ее противостояния с Западом. По мнению авторов статьи, в целях преодоления содержательной путаницы и смысловой размытости оно должно быть разделено, по меньшей мере, на две основные формы: идеальную и религиозно-историческую. Критерием разделения служит функциональная направленность соборности: либо на реализацию этической функции восприятия христианства, либо ее интегративной функции, напрямую связанной с обретением цивилизационной идентичности через особую, присущую только русским (православным) религиозности. Необходимость разделения целевой природы соборности на две функции обуславливается неспособностью основной массы населения воспринять в полном объеме христианский экзистенциальный идеал, который трансформируется в религиозно-светский идеал, образующий светскую основу и для социального, и для соборного единства одновременно.

Ключевые слова: соборность, христианский идеал, религиозно-светский идеал, светская этика, идеальная форма соборности, религиозно-историческая форма соборности.

Annotation. This article attempts to analyze the notion of sobornost, based on such an assessment of the term, according to which sobornost does not have a uniform understanding, and contains in its terminological boundaries opposite and incompatible features. The authors explain this by the fact that sobornost has not been the subject of analysis in classical science for a long time, as it was mainly studied by publicists, writers, political and public figures. As a result, the concept has acquired a pseudo-scientific character and is now used not so much in scientific disputes as in political disputes about the fate and desirable ways of development of Russia in the context of its confrontation with the West. According to the authors of the article, in order to overcome meaningful confusion and semantic blurring, it should be divided into at least

two main forms: ideal and religious-historical. The criterion of division is the functional orientation of sobornost: either to the realization of the ethical function of the perception of Christianity, or its integrative function, directly related to the acquisition of civilizational identity through a special, inherent only to Russian (Orthodox) religiosity. The need for separation of the target nature of unification of two functions is caused by the inability of the General population to perceive in full the Christian existentialist ideal that morph in the religious-secular ideal of forming a secular framework for the social, and the sobornost for the unity at the same time.

Key words: *sobornost, Christian ideal, religious and secular ideal, secular ethics, ideal form of sobornost, religious and historical form of sobornost.*

Соборность является сложным понятием, с трудом поддающимся оцениванию в рамках традиционной для науки рациональности, прежде всего потому, что относится она к области духовного, религиозного, что имманентно по своей сути таким явлениям, которые крайне сложно операционализировать методами классической науки. Кроме того, соборность как предмет изучения практически не выходила за пределы отечественной науки будучи даже не столько сферой научного, сколько общественного интереса. Это привело к появлению разнообразных и несогласованных между собой подходов, внутри которых не выработаны ни общие методологические основания, ни социальные индикативы для анализа, ни сколько-нибудь стройный ряд смежных понятий. Нам представляется, что и сам термин «соборность» имеет внутри себя разные смысловые пласты, что приводит к наполнению его противоположными толкованиями и, таким образом, размыванию его смысловых границ. В данной статье мы ставим перед собой цель обосновать выделение двух форм соборности – идеальной и религиозно-исторической, на основе их разной функциональной направленности: этической и интегративной.

Соборность содержит в себе христианский экзистенциальный идеал, который при соприкосновении с реальной действительностью неизбежно принимает иные формы выражения, не совместимые с христианскими, что приводит к образованию двух её форм: идеальной и религиозно-исторической. Если сделать обобщение, имея в виду две основные функции соборности: этическую и интеграционную, то, по существу, мы получаем две принципиально разные формы. Мы разделяем их согласно ценностным установкам, лежащим в основе соборного единства, которые, в свою очередь, определяются либо потребностями усвоения этических норм христианства, либо потребностями общественной интеграции [6].

Необходимость этого разделения в науке назрела уже давно. Она определяется невозможностью реализации соборности в качестве христианского экзистенциального идеала в реальной действительности.

Христианский экзистенциальный идеал воспринимается обществом в том виде, в каком оно в состоянии его воспринять. А между тем, исследователи, осмысливая исторический опыт России, обращаются к теме соборности, имея ввиду именно христианский экзистенциальный идеал, а не его искаженные формы, реально образовавшиеся в истории. Это содействует идеализации исторического опыта России и некритическому желанию перенести его в современную российскую жизнь [7].

Ощущается настоятельная необходимость выделения критериев для типологии соборности. В каждой из двух выделенных ее форм система ценностных установок определяется этическим содержанием. Однако в идеальной форме соборности этическая функция имеет самостоятельное значение (усвоение абсолютных норм христианства), а в религиозно-исторической она подчинена потребностям интеграции, являясь идеологической сферой интеграционной функции. Сама христианская этика, таким образом, должна получить двойственную характеристику.

Проблемами христианской этики в указанном смысле занимался Макс Вебер. Он ввел в научный оборот понятие "социальная этика". Это адаптированная к особенностям времени христианская этика, функция которой направлены на удовлетворение массовой потребности верующих в возможность достижения Спасения [3]. Социальная этика в основе своего происхождения всегда зависит от потребностей общественной интеграции, т.к. в средние века интеграционная идеология формировалась церковью, а в качестве ее источника использовались именно нормы христианства. При этом социальная этика воспринимались в массовом сознании в качестве подлинно христианской этики.

Итак, в соответствии с принятыми принципами различения двух форм соборности следует положить тождественное терминологической градации соборности разделение христианской этики на новозаветную (идеальную) и социальную (историческую). «Не убий», «не укради» – это пример новозаветной этики. «Трудись усердно, добивайся в жизни успеха и удостоишься вечной жизни» или «почитай царя-батюшку как наместника Бога на земле» – это образцы социальной (исторической) этики. Идеальной форме соборности соответствует новозаветная этика, религиозно-исторической – этика социальная (историческая), возникшая из ассимиляции светских и религиозных норм.

Идеальная форма соборности возникла через осмысление роли морально-нравственных норм в современном (для того времени, когда писали В.С.Соловьев [11], С.Л.Франк) обществе. Такая форма соборности выступает как экзистенциальный идеал взаимоотношений между христианами. Она предполагает буквальное выполнение этики спасения, которая не должна смешиваться с представлениями о праве, профессионализме, власти и т.п. Мирской компонент, который адаптирует усвоение христианской морали согласно представлениям исторического

времени и преобладает, по этой причине, в этике спасения, должен быть сведен к минимуму. Идеальная форма соборности – это нравственное осознание индивидом своей общности с другим индивидом. Она, таким образом, есть христианское братство, есть идеальное воплощение теократии на земле.

Христианские нормы могут стать регулятором общественного поведения лишь в обществе, которое построено на идеальных началах. Поэтому данную форму соборности в ее реальном воплощении следует увязать с понятием общественный идеал. О сущности этого понятия в философии нет единой точки зрения, но нам наиболее обоснованной кажется позиция тех ученых, которые отождествляли общественный идеал с условиями, в которых возможно существование нравственно совершенной личности. Сам процесс нравственного совершенствования согласно этой концепции должен был происходить в условиях свободы и равенства [9]. Поскольку ни первое, ни второе в абсолютном виде неосуществимо, то многие исследователи весьма критически относятся и к возможности достижения самого общественного идеала [13]. Они намечают лишь пути движения к нему, под которыми подразумевают личностное самосовершенствование и улучшение внешних условий жизни.

Таким образом, движение к общественному идеалу или, иными словами, к воплощению в реальной жизни идеальной формы соборности, начинается с признания ценности личности. Сам процесс движения, учитывая несовершенство человеческой природы, необходимо признать бесконечным, не имеющим своей предельной границы.

Ясно, что эта форма соборности не могла сформироваться в России. Реальная форма выражения российской соборности есть религиозно-историческая. Как отмечалось, от идеальной она отличается содержанием этических норм. Фундаментальным основанием религиозно-исторической формы соборности выступает зависимость этического восприятия христианства от потребностей общественной интеграции. Основной принцип отличия религиозно-исторической формы от идеальной состоит в том, что первая имеет ценности, выходящие за рамки христианских. В структуре религиозно-исторической формы соборности ценности нехристианского характера действительно имеют огромное значение. Если иметь в виду, что соборность формируется на базе христианства, то сращивание ценностей христианских и светских нельзя трактовать иначе, как отступление от абсолютного значения христианской морали.

Ещё раз обратимся к М. Веберу. Основной механизм формирования социальной этики социолог конструировал на основе христианской догмы о спасении души. Вкратце суть ее состоит в следующем. Стержневой осью христианства во все времена, и в том числе в эпоху средневековья, являлась идея спасения души, стремление удостоиться вечной жизни. Однако в средние века, и этим христианство того периода отличалось от

современного, воспринять духовные основы христианской веры («не убий», «не укради», «не противься насилию» и т.п.) верующий, по ряду объективных причин, был не в состоянии. В силу этого христианские нравственные нормы приспособлялись к условиям жизни, разрушая их идеальную совершенность. В каждой исторической эпохе христиане, независимо от их способности воспринимать христианские нравственные нормы в полном объеме, должны были быть уверены в возможности Спасения. Этот процесс имел место как в западных вероучениях, так и в российском православии.

В научной литературе есть мнение, что православная церковь избежала этой эволюции и сохранила сущность раннего христианства без изменений [5]. Нам эта точка зрения представляется ошибочной, потому что такая позиция препятствует разделению соборности на различные формы выражения. Непонимание того, каким закономерностям в истории было подвержено восприятие христианской этики мешает осознанию ценностной структуры той формы соборности, которая реально сформировалась в России. Именно поэтому мы считаем необходимым более подробно остановиться на принципах, согласно которым христианская этика видоизменилась под воздействием потребности в интеграции.

В Средние века и в Новое время, которые интересуют нас как эпоха формирования соборных ценностей, интеграционная функция была подчинена потребностям цивилизационного выживания. В разных исторических условиях выживание осуществлялось по-разному. Христианство могло дать оправдание любому общественному строю: монархии, демократии, авторитаризму и т.д. С указанной точки зрения важно было лишь то, чтобы тот или иной общественный строй содействовал общественному единству, был гарантом цивилизационного самосохранения. В указанный период религия играла решающую роль в ходе общественной интеграции. Этот процесс в Западной Европе и в России имел различный характер [12].

Еще в раннем средневековье в Западной Европе формируется структурно-функциональная теория, делившая общество на три больших сословия: духовенство, которое молится, воинов, которые защищают, крестьян, которые трудятся и кормят духовенство и воинов [15]. Подобное представление среди католиков доминировало. Цель доктрины состояла в том, чтобы упорядочить общественные отношения религиозными нормами, понятными для эпохи [1].

Социальная (историческая) этика сформировалась также и в православии. Отношение к царю как к наместнику Бога на земле было порождено необходимостью выжить в тех условиях, которые на определенном этапе создали опасность для цивилизационного развития и поставили перед русским обществом дилемму: либо остаться

раздробленным и погибнуть, либо сплотиться вокруг царя и забыть о свободе во имя спасения своей национальной самобытности. Срастание светских и религиозных норм здесь имеет следующие механизмы: церковь, проникнувшись светскими интересами, освящает деятельность великого князя (царя), придает ей религиозную окраску, и Россия, следуя за своими духовными наставниками, выбирает второй путь, путь самосохранения. Монархизм, таким образом, не был изначально присущ русскому народу. Он есть продукт истории. Монархизм также не был порождением светского мышления. Он проистекает из религиозного отношения к жизни. Правильной представляется позиция С.Н.Булгакова, который утверждал, что связь между православием и монархией возникла исторически и вовсе не обязательна ни для православия, ни в целом для христианства [2]. Вследствие всего этого, придание монарху статуса Бога на земле, и, самое главное, признание этого статуса всем российским обществом, в православной этике является таким же историческим элементом, каким в католичестве в средние века была структурно-функциональная теория разделения прав и обязанностей [4].

Взаимная ассимиляция христианских и светских норм вызывалась стремлением верующих создать этическую систему, отражающую облик эпохи, соблюдение которой позволит удостоиться вечной жизни. Каждый верующий должен быть уверен, что ему, независимо от того, к какой социальной группе он принадлежит, является ли он монахом или нет, в случае соблюдения определенных правил поведения может добиться Спасения [8]. Эти определенные правила поведения, на наш взгляд, следует сформулировать в понятие «религиозно-светский идеал».

Оно является авторским и потому требует расшифровки и обоснования. «Религиозно-светский идеал» возникает из необходимости адаптировать абсолютное значение христианских норм к исторической специфике времени. Это есть этика, состоящая из элементов религиозных и светских. Объективно она возникает под воздействием потребностей интеграции, но вдобавок к этому воспринимается верующими как путь, ведущий к Спасению. «Религиозно-светский идеал» давал верующим возможность согласно их представлениям удостоиться вечной жизни, не соблюдая при этом заветы христианства в их абсолютной форме. Он есть ниша, через которую в христианство проникают представления о власти, праве, труде, характерные для того или иного периода времени. Это, таким образом, своеобразный довесок времени к христианству.

Для понимания связи между этической и интеграционной функциями соборности, сформировавшими особую (религиозно-историческую) форму соборности, чрезвычайно важно отметить, что «религиозно-светский идеал» по своей природе не мог быть индивидуализирован. Средневековье не знало индивидуализма ни в Западной Европе, ни в России. Его нормы становились регулятором

общественного поведения либо социальной группы, либо всего общества в целом. В первом случае, когда «религиозно-светский идеал» воспринимается какой-либо одной социальной группой (например, рыцарством), а другая социальная группа (например, ремесленники) обладает своим «религиозно-светским идеалом», «своим» способом достижения спасения, то мы имеем корпоративное развитие христианства. Этот путь прошла Западная Европа [14]. Во втором случае, когда «религиозно-светский идеал» воспринимается всем обществом как единая для всех этическая система поведения христианство развивается на соборных началах. Россия пошла по второму пути. Интеграционная идеология, проникая в общество через механизмы социальной этики, в Западной Европе была оригинальной, самобытной для каждой общественной группы, вследствие чего интеграция осуществлялась по типу социальной стратификации; в России интеграционная идеология была одинаковой для каждой социальной группы, что превратило общество в некий социальный монолит. «Религиозно-светский идеал» играет роль идеологии религиозно-исторической формы соборности, он есть та система ценностей, на основе которой формируется данная форма соборности [10].

Выводы будут следующие. Существуют две основные формы выражения соборности: идеальная и религиозно-историческая. Главный принцип их различия определяется особенностями ценностной структуры. В первом случае она складывается из норм новозаветной морали (идеальная этика), во втором – исходит из законов выживания и является производной от потребностей в интеграции (социальная или историческая этика). В реальной действительности формируется именно вторая форма соборности, т.к. максима христианского экзистенциального идеала недоступна для восприятия основной массы общества.

Литература:

1. Бицилли Л.М. *Элементы средневековой культуры*. СПб.: Мифрил, 1995.
2. Булгаков С.Н. *Православие*. Минск: ИБЭ, 2017.
3. Вебер М. *Избранное. Образ общества*. М.: Наука, 1994.
4. Зубков К.И. *Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета*. 2017. №1.
5. Карсавин Л.П. *Восток, Запад и русская идея. Сочинения*. М.: Раритет, 1993.
6. Касьянов В.В. *История культуры*. М.: Юрайт, 2016.
7. Касьянов В.В. *Социология культуры*. Краснодар: Периодика Кубани, 2014.
8. Морозова О.М., Самыгин С.И., Стариков Н.В. *Всемирная история*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

9. *Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Сочинения. М.: Пресса, 1991.*
10. *Самыгин С.И., Самыгин П.С., Шевелев В.Н. История. М.: КноРус, 2017.*
11. *Соловьев В.С. Русская идея. М.: Мысль, 1992.*
12. *Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Аликс, 1992.*
13. *Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.*
14. *Федотова В.Г. Европа как регион и как концепт: к методологии вопроса // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4.*
15. *Хейзинга Й. Осень средневековья. М.: Прогресс-Культура, 2015.*

Literature:

1. *Bitsilli L.M. Elements of medieval culture. SPb.: Mithril, 1995.*
2. *Bulgakov S.N. Orthodoxy. Minsk: IBE, 2017.*
3. *M weber. Favourites. Image of society. M.: Science, 1994.*
4. *Zubkov K.I. Absolutism and modernization: to assessment of Petrovsky reforms of the beginning of the 18th century//Messenger of Humanities university. 2017. No. 1.*
5. *Karsavin L.P. East, West and Russian idea. Compositions. M.: Rarity, 1993.*
6. *Kasyanov V.V. Cultural history. M.: Юрайт, 2016.*
7. *Kasyanov V.V. Culture sociology. Krasnodar: Periodical press of Kuban, 2014.*
8. *Morozova O.M., Samygin S.I., Starikov N.V. World history. Rostov-on-Don: Phoenix, 2010.*
9. *P. I. Novgorodians. About a public ideal. Compositions. M.: Press, 1991.*
10. *Samygin S.I., Samygin P. S., Shevelyov V.N. Istoriya. M.: Knorus, 2017.*
11. *V.S. nightingales. Russian idea. M.: Thought, 1992.*
12. *Tikhomirov L.A. Monarchic statehood. SPb.: Alir, 1992.*
13. *S.L. franc. Spiritual bases of society. M.: Republic, 1992.*
14. *Fedotova V.G. Europe as region and as concept: to question methodology//Knowledge. Understanding. Ability. 2015. No. 4.*
15. *Y. Osen's Heyzing of the Middle Ages. M.: Progress-Kultura, 2015.*